

культуры Центральной и Восточной Азии». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 145-148.

Харитонов В.И. 2006. *Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий*. – М.: Наука. 372 с.

BADMATSYRENOV Timur Batorovitch, Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Buryat State University (Smolina st., 24a, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; batorovitch@mail.ru)

THE RELIGIOUS SITUATION AND THE RELIGIOUS COMMUNITIES IN BURYATIA

Abstract. The paper is devoted to the description of the religious situation in the Republic of Buryatia. The development of religion in such multi-national and polyconfessional region as Buryatia is the one of the most interesting themes. The aim of this paper is to describe the religious situation in the Republic of Buryatia through the changes of religious organizations and communities. In this case, the religious situation is a system of interaction of religious associations, political and non-governmental institutions, and social groups referring to the objects of worship, religious ideas and feelings. Religious situation in Buryatia may be characterized through the effects of a few main factors. The first is the process of religious revival as the very important ideological construction connected with the confessional and ethnic discourse. The other one is the religious governmental policy, non-governmental political institutions and pressure groups activity. Actually, many authors noted that during post-Soviet period Russian religious policy changed from the liberal to rather conservative. However some religious ideas, especially the Orthodoxy, were infiltrated to the public sphere, even at the legal level.

Keywords: religious situation, Buryatia, Buddhism, Orthodoxy

КАШАФ Шамиль Равильевич – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; 9289314@mail.ru)

ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МУСУЛЬМАНСКИЙ ОТВЕТ, РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

Аннотация. В статье анализируется общественно-политический дискурс религиозных акторов в качестве субъектов процесса российского нациестроительства. На основе эмпирического материала X Международного мусульманского форума делается вывод о пересмотре репертуара коммуникативных ролей лидеров российских муфтиятов в Новейшее время. Продуцируемые ими идентификационные референты значимы для российских мусульман и релевантны стратегическим подходам властной элиты России.

Ключевые слова: идентификация, ислам, национально-государственная идентичность, нациестроительство, религиозные акторы, российское мусульманство.

Как явствует из выступления главы российского государства В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» (19 сентября 2013 г., Новгородская обл.), многие евро-атлантические страны своим отрицанием нравственных начал и любой традиционной идентичности – национальной, культурной, религиозной, – а также отказом от фундирующих ценностей, постулируемых христианством и другими мировыми религиями, приблизились к той черте, за которой неизбежно наступает утрата человеческого достоинства, глубокий демографический и нравственный кризис. Этого всего может избежать Россия, всегда

стремившаяся в своей модели государства-цивилизации следовать гибким подходам при учете национальной и религиозной специфики народонаселения страны. Именно из модели государства-цивилизации проистекают особенности российского государственного устройства, как утверждает В. Путин, делающий в своей валдайской речи акцент на том, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религиозные деноминации являются неотъемлемой частью идентичности и исторического наследия страны в современной жизни россиян.

О том, насколько для мусульманских политий оказывается важным вопрос сохранения и укрепления своей идентичности, свидетельствует то, что президент Ирана Хасан Роухани начал свою речь на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (17 сентября 2013 г., Нью-Йорк) фразой: «Наш мир является миром, полным страхов и надежд: страха перед войной и враждебными региональными и международными отношениями; страха перед смертоносными столкновениями религиозных, племенных и национальных идентичностей...» [цит. по: Раванди-Фадаи 2014: 272]. Говоря о страхах, с которыми сталкивается общество, иранский политик, конечно же, в своих обобщениях не замыкается в пределах исламского мира. Он рассуждает об угрозах для многих, кто сегодня уступает по своим возможностям Западу.

Заявление иранского руководителя Х. Роухани в ООН вполне согласуется с курсом президента России В.В. Путина, подтвердившего на Валдайском форуме актуальность практически для всех стран и народов поиска новых стратегических подходов к сохранению своей идентичности, особенно в условиях осуществления Западом попыток возвратиться к однополярной унифицированной модели мира, размывающей национальный суверенитет. Российский лидер связывает возникающие вызовы с внешнеполитическими и моральными аспектами событий, происходящих в мировом пространстве. «Такому однополярному, унифицированному миру, — заявляет В. Путин, — не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы. В историческом смысле это отказ от своего лица, от данного Богом, природой многообразия мира»¹.

Соединение мусульманского компонента с другими конфессиональными идентификациями России в президентском дискурсе несколько не является натяжкой: на территории многонационального и многоконфессионального государства проживает наибольшее число мусульман среди стран Европы. Это находит отражение во внутренней и внешней политике страны, сказывается на ее двусторонних отношениях с мусульманскими государствами, а также на участии в делах Организации исламского сотрудничества, где с 2005 г. Российской Федерации предоставлен статус наблюдателя.

В сменившихся декорациях постсекулярной эпохи включение религиозного фактора в последние объяснительные и прогностические политические модели, связанные с кризисом пересмотра основ национальной идентичности, все чаще оказывается категорически неприемлемым. «В нашу “постполитическую” эпоху, — пишет Славой Жижек, — когда политика в собственном смысле слова постепенно заменяется экспертным социальным администрированием, единственным источником конфликтов становятся культурные (религиозные) или естественные (этнические) противоречия» [Жижек 2006: 13]. Последствиями такого сдвига политического в пространство идентичности становится значительное переосмысление возрастающей политической роли религиозных акторов [Харкевич, Касаткин 2011: 221].

Еще одна важная тенденция последнего времени, зафиксированная специалистами Института социологии РАН по результатам проведенного в ноябре 2014 г. общенационального исследования «Российское общество в контексте новых реалий», — устойчивый рост признания в общественном мнении россиян «приемлемости новых форм присутствия религиозного фактора в обществе путем выхода религиозных организаций за собственно “церковные пространства”», не замещающих при этом форм сугубо светской организации общества [Российское общество... 2015: 10].

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 2013. — *Российская газета*. 19 сентября.

Интенсификации интеллектуально-религиозной рефлексии, по нашему мнению, усиленно способствует и отчетливо обозначившийся в российском обществе консервативно-традиционалистский поворот. И представители традиционных российских конфессий не преминули использовать открывшиеся для них дополнительные возможности артикуляции в публичном пространстве результатов собственных духовно-нравственных, социально-культурных и интеллектуальных исканий.

Между тем с «передовой» нациестроительства уже практически ретировались многие: партии, которые, как замечает Л.В. Поляков, в нашем случае «всего лишь симулякры подлинной, ценностно-рациональной партийности», ставшие таковыми «не по злему умыслу, а по причине слишком юной для этого демократии и ввиду еще не переваренной “советской оскомины” от “партийности” как таковой» [Поляков 2012: 188], а также расколота надвое интеллигенция, которая по причине своей неоднородности образовала в процессе «развода» два элитных фрагмента (по А. Салмину). Первый – функциональный – ориентирован «на интеллектуальное обеспечение практического действия, предпринимаемого элитами политическими, на предвидение последствий действия, его легитимацию (или делигитимацию) и проч.», и второй – рефлексивный, – представители которого «не ориентированы на непосредственное практическое действие с определенным результатом, а свободно экспериментируют во всем пространстве культуры» [Салмин 2001: 26].

Ожидать, что отечественный бизнес окажется в состоянии генерировать моральные ценности, на основе которых могла бы основываться политическая нация, также не приходится. Во-первых, «олигархические структуры сейчас живут не со своим народом» [Примаков 2014: 50], во-вторых, им «сделана настолько мощная прививка против внутривнутриполитической активности, в особенности выходящей на федеральный уровень» [Каспэ 2012: 100], что оправиться от превентивных мер удастся не скоро.

Отводя церкви – этому социальному актору, постоянно находящемуся на самых высоких строчках в рейтингах доверия общественным институтам, – высокое место среди участников российского нациестроительства, Святослав Каспэ говорит о совершенно особом положении Русской православной церкви, делающем именно ее вторым после государства необходимым участником *nation-building* [Каспэ 2012: 103].

Несомненно, сегодня РПЦ, занимающая доминирующее положение среди других российских институционализованных конфессий, все больше и больше входит в политический процесс на положении субъекта политического целеполагания, гораздо отчетливее и масштабнее иных артикулирует свою позицию в публичной сфере. Традиционный ислам в России, который не располагает жестко институционализованной иерархичной структурой, в последние годы тоже выражает свою обеспокоенность выявляющейся в крайне обостренной форме проблемой поиска путей сохранения собственной национальной, религиозной идентичности и традиционных социальных институтов. И голос лидеров мусульманского сообщества все чаще звучит в унисон с позицией православных иерархов.

Об абсолютной совместимости позиций двух ведущих авраамических традиций в России по многим принципиальным вопросам, которые были заявлены в программах XXIII Международных Рождественских образовательных чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» (21 января 2015 г., Москва) и X Международного мусульманского форума (10–12 декабря 2014 г., Москва), свидетельствуют ключевые тезисы докладов главных выступающих на пленарных заседаниях, прежде всего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и главы Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), председателя Совета муфтиев России шейха Равиля Гайнутдина.

В понимании патриарха Кирилла сегодня Россия оказывается перед лицом мировоззренческой дилеммы: «сдать» свой духовный суверенитет тем силам с иного полюса, которые желали бы ее отказа от своей национальной и культурной идентичности в обмен на снятие введенных против страны санкций и сохранение дальнейших возможностей потребления материальных благ. Однако глава РПЦ не

видит никакой иной возможной альтернативы, кроме как сохранить верность российским идеалам и ценностям, сберечь «благословенное духовное единство наших народов» и не поддаться «соблазну свернуть с этого пути»¹.

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин, вскрывая ценностную и цивилизационную природу фундаментального вызова, говорит об особой его опасности не только для России, но и для большинства народов и стран, разочаровавшихся в идее глобализации, которая препятствует гармоничному сосуществованию культур и традиций в политически монополярном мире. Императивы лидера российских мусульман требуют противопоставить «идеологическое, а в случае реальной угрозы безопасности личности, семье, Родине – и физическое противодействие» ультралиберализму, который сегодня нападает на традиционные ценности россиян с «присущим ему индивидуализмом, эгоцентризмом, гедонизмом, ориентацией на материальный мир, проповедничество стяжательства и обогащение во имя личных целей, стиранием культурного разнообразия, унификацией человечества, наконец, кризисом духовности»².

Публичный дискурс значимых представителей двух наиболее многочисленных ветвей мировых религий – православия и ислама – создает прочную объединительную основу, на которой выстраивается защита российской нации, скрепляемая союзом традиционных для России конфессий. Не случайно оба события, обращенные к актуальным вопросам глобальных вызовов, привлекли к себе внимание высшей политической элиты страны. Пожелания успешной работы его участникам выразили В.В. Путин и руководитель администрации президента С.Б. Иванов. Бесспорно, внимание фигур самого высокого федерального уровня, направивших приветствия, соответственно, в адрес организаторов Рождественских чтений³ и международной встречи мусульман⁴, изначально задавали координаты политического восприятия знаковости предстоящих религиозно-общественных форумов для Русского мира и российского мусульманства.

Мы полагаем, что общность России и мусульманского мира сегодня поддерживается не только их культурной близостью, но и теми вызовами, которые практически одновременно открылись им со стороны Запада. И в этом смысле содержательный эмпирический материал для анализа предоставляет юбилейный Международный мусульманский форум (ММФ), на котором, по экспертным оценкам, «представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культур и формированию национально-государственной идентичности страны» [Комаровский 2015].

Сам факт проведения в российской столице столь крупного религиозно-общественного форума⁵ как представительной международной дискуссионной площадки, органично вписывается в комплекс основных направлений в области международного сотрудничества, заданных принятой Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Так, согласно указанному документу,

¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений. 2015. – *Официальный сайт Московского патриархата*. 21 января. Доступ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3957820.html> (проверено 24.01.2015).

² Муфтий Равиль Гайнутдин: Ислам есть смирение собственной воли перед волей Аллаха. 2014. – *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 10 декабря. Доступ: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8803> (проверено 10.01.2015).

³ Приветствие Президента РФ В.В. Путина участникам XXIII Международных Рождественских чтений. – *Официальный сайт Московского патриархата*. 21.01.2015 г. Доступ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3958464.html> (проверено 24.01.2015).

⁴ Сергей Иванов. Результаты X Международного мусульманского форума послужат укреплению мира. – *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 2014. 17 дек. Доступ: <http://dumrf.ru/upravlenie/documents/8828> (проверено 10.01.2014).

⁵ Соорганизаторами мероприятия выступили: Духовное управление мусульман Российской Федерации, Совет муфтиев России, Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Восточный факультет СПбГУ, Всемирный союз мусульманских ученых, Министерство по делам религии Турецкой Республики, Международный университет «Аль-Мустафа», Московский исламский институт, Фонд поддержки исламской науки, культуры, образования, Издательский дом «Медина».

приоритетными задачами в области национальной политики являются: «использование ресурса общественной дипломатии... как средства установления межцивилизационного диалога»; наращивание сотрудничества с международными организациями в целях недопущения различных форм дискриминации, в т.ч. по признакам религиозной принадлежности; обеспечение во взаимодействии с ними отношений партнерства, направленных на «поддержание инициатив институтов гражданского общества во взаимодействии с Русской православной церковью и другими традиционными конфессиями страны в сфере национальной политики»¹.

Среди прибывших на форум крупнейших мусульманских богословов (суннитского и шиитского толка), авторитетных исламоведов и верховных муфтиев ряда стран Евразийского континента (более 500 участников из 21 страны мира) были и представители тех государств, кто не поддержал санкционный режим США и Евросоюза, введенный в 2014 г. против России из-за ее позиции по Крыму и Украине. На эту политическую подоплеку обратил особое внимание председатель Комитета по образованию Государственной думы РФ В.А. Никонов, отметивший в своем выступлении на пленарном заседании форума, что «ни одно исламское государство не присоединилось к санкциям, которые Вашингтон накладывает на Россию»².

Сложившаяся дискуссия участников ММФ вокруг вызовов национальной идентичности России, вступившей в экономическое, политическое и ценностно-цивилизационное противостояние с западноевропейскими государствами, однозначно не могла не превратиться в важный политический компонент повестки форума. Присутствовавшие на мероприятии аналитики в своих работах утверждают: «Конфронтация России со странами Запада носит, несомненно, не случайный характер и свидетельствует, прежде всего, о том, что евро-атлантическая цивилизация продолжает отказываться признать нашу страну равным партнером, сколько бы наша страна ни оказала ей помощи в различных регионах мира» [Хабутдинов 2014]. Эту свою мысль историк и эксперт по мусульманскому сообществу А.Ю. Хабутдинов³ подкрепляет апелляцией к актуальному как никогда прецедентному тексту выдающегося крымско-татарского мыслителя Исмаила Гаспринского⁴ «Русско-восточное соглашение» (1896), в котором содержится весьма критичный взгляд насчет целей Запада. «Действуя то против России, то против мусульман, — писал И. Гаспринский, — европейцы в том и другом случае извлекают выгоду и идут вперед... Если же посмотреть, с какой бессердечностью Европа угнетает весь Восток экономически, делаясь зверем каждый раз, когда дело коснется пенса, сантима или пфеннига, то становится очевидным, что Востоку нечего ждать добра от Запада» [Гаспринский 1993: 62].

Как известно, возвращению многонационального и многоконфессионального народа Крымского полуострова вместе с более чем 300-тысячным крымско-татарским населением под юрисдикцию России и в ее идентификационное пространство стало возможным в результате проведения в марте 2014 г. референдума на территории Республики Крым. Вызванные Крымской весной перемены были настолько стремительны, что радикально многое изменили и для мусульманской общины Крыма. А это 11% населения полуострова, особая роль в ней принадлежит крымским татарам [Бугай 2014: 88].

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». — *Президент России. Официальный сайт*. 2012. 19.12. Доступ: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (проверено 10.01.2015).

² Выступление Вячеслава Никонова на X Международном мусульманском форуме. — *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 2015. 26 января. Доступ: <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/8915> (проверено 10.02.2015).

³ В рамках работы ММФ А.Ю. Хабутдинов, являющийся председателем Экспертного совета Федерального ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования при Казанском федеральном университете, возглавлял Программный комитет, в работе которого принимал также участие и автор статьи в качестве ответственного секретаря.

⁴ Гаспринский Исмаил Мустафович (1851–1914) — основоположник пантюркизма, главный идеолог татарского движения обновления — джадидизма, публицист, издатель первой татарской газеты «Терджеман» (Переводчик), один из организаторов первой мусульманской партии «Иттифак аль-муслимин».

Интересы мусульман Крымского полуострова представляет Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), объединяющее сегодня подавляющее большинство мусульманских общин на территории нового субъекта России (по последним данным – более 350)¹. По словам его руководителей, в переломный для крымско-татарского народа момент принятия очередного судьбоносного решения в их жизни, связанный с крымским плебисцитом и присоединением к России, им также пришлось встретить противодействие со стороны активизировавших свою деятельность представителей различного рода сект, радикальных псевдоисламских течений в Крыму, людей с конфликтным мышлением, сохранявших критичность и подозрительность в отношении России.

Опрошенные нами в ходе мероприятия руководители мусульманских религиозных организаций, имамы, представители мусульманских общественных организаций и СМИ в большинстве своем считают, что присоединение Крыма к Российской Федерации повлияет на позиции мусульманской уммы страны в целом. Они также находят эффективными дискурсивные коммуникации председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина и президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, состоявшиеся в ходе официальных визитов на полуостров. В преддверии и по окончании крымского плебисцита они были максимально включены в тяжелейшие интеллектуальные и политические диалоги со своими братьями по вере, истории, культуре.

Анализируя прозвучавшие на ММФ касательно умеренного консерватизма мусульман основные тезисы Р. Гайнутдина, позиционировавшегося в официальных материалах мероприятия не только как глава двух крупнейших централизованных мусульманских организаций страны – СМР и ДУМ РФ, – но и как член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ (что также подчеркивало имеющееся у него и его идеологической команды со-мыслие с неоевразийскими новациями кремлевской элиты), можно выделить три основных момента, к которым сводится репрезентируемый исламским лидером «здоровый консерватизм будущей евразийской идентичности». Это 1) защита традиционных ценностей, нравственных норм, принципов духовности, постулируемых мировыми религиями; 2) продуцирование взаимообогащающего культурного обмена между людьми разных религий и этносов; 3) гармоничное сочетание современного образа жизни человека с религиозной практикой (для приверженцев традиции умеренного ислама такую возможность предоставляет парадигма «срединного пути»)².

Идеологам умеренного консерватизма по версии ДУМ РФ импонирует то, что В. Путин, как и классические евразийцы, провозглашает применимым в Евразийском союзе принцип цивилизационного плюрализма и многообразия, что он «выступает за многополярность, за неадекватность универсализации западных ценностей без учета специфики каждой культурной ойкумены» [Мухетдинов 2014: 10–11]. Крайне приемлемой для них выглядит цивилизационная и политическая рамка, задаваемая президентом и позволяющая сделать так, что в создаваемом Евразийском объединении «каждый сохранит свое лицо, свою самобытность и политическую субъектность»³, а главное – будут открыты широкие возможности для действия четырех традиционных конфессий, функционирующих при этом в формате светского общества.

Актуализированные консервативные устремления мусульманских активистов ДУМ РФ, находящиеся в тесной увязке с ценностными, традиционалистскими и социально-политическими перспективами евразийской интеграции, в более развернутой форме оказываются представленными в целом ряде публичных символи-

¹ *Официальный сайт Духовного управления мусульман Крыма*. 2014. 11 дек. Доступ: <http://qmdi.org/index.php/ru/muftiyat> (проверено 10.01.2015).

² Муфтий Равиль Гайнутдин. Ислам есть смирение собственной воли перед волей Аллаха. 2014. – *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 10 декабря. Доступ: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8803> (проверено 10.01.2015).

³ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 2013. – *Российская газета*. 19 сентября.

ческих актов. К ним, несомненно, следует отнести и ММФ, получивший высокую оценку администрации президента¹.

В значительной степени подтвердились и связывавшиеся с ММФ экспертные ожидания знаковости этого события, о чем весьма пронизательно высказался в своем приветственном письме участникам мероприятия академик, дипломат и бывший премьер-министр России Е.М. Примаков. Под его патронажем в свое время (в 2006 г.) была создана группа стратегического видения «Россия – исламский мир», продолжающая и сегодня осуществлять ряд важных крупных проектов при участии общественных, государственных и духовных лидеров. Поднятые на форуме темы обсуждения, в чем и не сомневался Е. Примаков, оказались весьма важными для мирового сообщества². Такая констатация отчасти дезавуирует критические оценки некоторыми экспертами результатов международной деятельности российских муфтиятов в Новейшее время [Силантьев 2014].

В условиях сегодняшних реалий идейно-цивилизационного и геополитического противостояния РФ и западноевропейских стран крайне значимой воспринимается высказанная на форуме министром по делам религии Турецкой Республики доктором Мехметом Гермезом оценка многовекового опыта России. По мнению главного муфтия Турции, это наследие достойно изучения всей Европой. Перефразируя мысль Гермеза, можно сказать, что если земли России стали именно той территорией, где «ислам сформировал основы права, нормы и принципы гармоничного сосуществования религий», то Екатерина II явилась той дальновидной государственной правительницей, при которой заложенные «законодательные основы правового мирного сосуществования людей, придерживающихся разных религиозных воззрений, – мусульман, христиан и иудеев», – позволили столетиями продолжать здесь формировать учения, моральные ценности и правовые традиции мирного проживания народов и религий³.

Еще несколько лет назад характерные для мусульманского духовенства политическая индифферентность и обезличенность как субъекта политики [Мухаметшин 2010: 63–64] за последние годы существенно трансформировались. Теперь мусульманские религиозные акторы в полную силу стремятся участвовать в процессах «политико-культурного синтеза» и выработки политических смыслов в рамках дискурсивного конструирования цивилизационной идентичности – российской и евразийской. Считается, что этот вид идентичности «задается именно причастностью к религиям, идеологиям, социальным практикам и культурным стилям, составляющим стержень “сакральной вертикали”» [Малинова 2012: 50].

Таким образом, солидаризируясь с некоторыми экспертами мусульманского сообщества, можно сделать вывод о том, что сегодня влиятельными религиозными центрами, мусульманскими лидерами тюркского мира СНГ и Евразии, арабских стран и Ирана, Юго-Восточной и Средней Азии признается особая роль мусульманства России, «вокруг которой Запад тщательно выстраивает кольцо изоляции»⁴.

Российские муфтияты, иницируя из Москвы создание новой парадигмы внутрисламского и межконфессионального диалога, формализуемого рамками создаваемой организации ММФ, стремятся направить его во благо устойчивого развития всего российского общества, российской нации, укрепления суверенитета и национальной идентичности России, а также на пользу всем ее партнерам на Евразийском пространстве.

¹ Муфтий Равиль Гайнутдин встретился с замруководителя Управления внутренней политики АП Михаилом Белоусовым. – *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 2014. 25 дек. Доступ: <http://www.dumrf.ru/regions/77/event/8867> (проверено 10.02.2015).

² Приветствие академика Е. Примакова X Международному мусульманскому форуму. – *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 2014. 17 дек. Доступ: <http://dumrf.ru/upravlenie/documents/8827> (проверено 10.01.2014).

³ Выступление министра Мехмета Гермезана на X Международном мусульманском форуме. – *Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации*. 2015. 12 февр. Доступ: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8977> (проверено 13.02.2014).

⁴ Мухаметов Р. 2015. Рождественское послание Гайнутдина. Проповедь для элиты и общества. – *Ансар. Сайт*. 23 янв. Доступ: <http://www.ansar.ru/analytics/2015/01/23/57184> (проверено 28.01.2015).

Новая международная мусульманская дискуссионная площадка (к ее юридическому оформлению в виде самостоятельной организации со штаб-квартирой в Москве уже приступил избранный на форуме секретариат во главе с Д. Мухетдиновым) будет открыта для представителей всех религиозных номинаций, структур гражданского общества и органов государственной власти. По мнению председателя ДУМ РФ Р. Гайнутдина, это позволит решить и такую важную задачу, как содействие «складывающемуся геополитическому союзу по оси “Москва – Анкара – Тегеран” и придание плодотворного взаимодействия с народами евразийских стран самой России, совершающей “разворот на Восток”»¹.

Подводя итог сказанному, следует зафиксировать, что ответ на специфический глобальный вызов национальной идентичности России, исторически развивавшейся как государство-цивилизация, предполагает наличие у нее стратегии и собственной политики идентичности. Проведение такой сбалансированной политики сегодня уже трудно мыслится без активного участия религиозных институтов, представляющих как православное, так и мусульманское сообщество, учитывая, что большинство населения по вероисповеданию и этнокультуре идентифицирует себя с этническими православными (89–92%) и мусульманами (6–9%), в сумме составляющими 97–98% жителей страны [Якунин и др. 2009: 31].

Российское мусульманство предлагает свой вариант ответа на глобальные угрозы, не имеющий ничего общего с радикальным исламизмом, экстремистские формы демонстрации которого у всех на виду. Тем ценнее оказываются, пусть пока и менее заметные, проявления этого умеренно консервативного ответа в виде интеллектуальной полемики и умонастроений мусульман.

Автор присоединяется к словам признательности организационного комитета X Международного мусульманского форума в адрес журналов «Власть» и «Коммуникология» и «Россия и мусульманский мир» за оказанную мероприятию информационную поддержку.

Список литературы

Бугай Н.Ф. 2014. Формирование национального и конфессионального состава населения Республики Крым: общество, политика. – *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. № 1-2. С. 74-93.

Гаспринский И. 1993. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. – *Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань: Фонд Жиен, Татарское книжное изд-во. С. 59-78.

Жижек С. 2006. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только. – *Логос*. № 2. С. 3-25.

Каспэ С.И. 2012. *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М.: РОССПЭН. 191 с.

Комаровский В.С. 2015. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски. – *Власть*. № 3. С. 20-27.

Малинова О.Ю. 2012. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации. – *Вестник Института Кеннана в России*. Вып. 22. С. 48-56.

Мухаметшин Р.М. 2010. Становление конфессиональной политики в России: опыт Татарстана. – *Политическая экспертиза: Политэкс*. Т. 6. № 2. С. 58-73.

Мухетдинов Д. 2014. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации. – *Минарет ислама*. № 3-4. С. 4-28.

Поляков Л.В. 2012. Теория nation-building Святослава Каспэ. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 186-189.

Примаков Е.М. 2014. *Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России* (отв. ред. П.А. Цыганков, И.И. Кузнецов). М.: Изд-во Московского университета. 320 с.

Раванди-Фадаи Л.М. 2014. К вопросу о положении национальных и религиозных

¹ Ахметова Д. 2014. Муфтий Равиль Гайнутдин: В 2014 году Россия сделала свой цивилизационный выбор. – *Совет муфтиев России. Официальный сайт*. 31 декабря. Доступ: <http://www.muslim.ru/articles/95/6315> (проверено 10.01.2015).

меньшинств. — *ИРАН: история и современность* (под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамаедовой). М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры. С. 271-274.

Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. 2015. Доступ: http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf (проверено 01.02.2015).

Салмин А.М. 2001. Российская интеллектуальная элита и постсоветская власть. — *Решение есть всегда!* Сборник трудов фонда ИНДЕМ. М.: ИНДЕМ. С. 18-72.

Силантьев Р.А. 2014. Международная политика российских муфтиятов в новейший период. — *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. № 2. С. 173-182.

Хабутдинов А.Ю. 2014. Всего один месяц март: Россия и Крым. — *Медина аль-Ислам*. № 149. 16 мая.

Харкевич М.В., Касаткин П.И. 2011. Биополитика и религия в эпоху постмодерна. — *Вестник МГИМО(У)*. № 6. С. 217-222.

Якунин В.И., Сулакшин С.С., Симонов В.В. и др. 2009. *Социальное партнерство религиозных организаций и государства*. М.: Научный эксперт. 232 с.

KASHAF Shamil Ravil'evich, postgraduate student of the Chair of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vernadskogo av., 82, Moscow, Russia, 119571; 9289314@mail.ru)

CHALLENGES TO THE NATIONAL IDENTITY: THE MUSLIM RESPONSE IN THE RUSSIAN CASE

Abstract. This article analyzes the socio-political discourse of the religious actors as subjects of the process of the Russian nation building. On the base of the empirical materials of the X International Muslim forum the author analyzes the variety of the communicative roles of the leaders of the Russian Muftiat in the modern period. The article is concluded by the idea, that the identity referents produced by the Russian Muftiat are important for Russian Muslims and relevant to the strategic approaches of the ruling elite of Russia.

Keywords: identification, Islam, state identity, nation building, religious actors, Russian Muslims